

Денежное обращение в оккупированной Беларуси

ЮРИЙ ГРУЗИЦКИЙ,

кандидат исторических наук, доцент БГЭУ

В период оккупации гитлеровской Германией (1941–1944) наша республика, наряду с огромными человеческими жертвами, несла и ощутимые финансово-экономические потери. Они были вызваны политикой немецких властей, направленной на грабеж захваченных территорий с помощью различных финансовых механизмов.

В директиве Германа Геринга по руководству экономикой в оккупированных восточных областях, известной как «Зеленая папка», имелся раздел «Финансы и кредитное хозяйство», в котором оговаривались важнейшие принципы денежно-кредитной политики на захваченных советских землях.

Ставилась задача использовать денежно-кредитный механизм для экономической эксплуатации оккупированных республик и областей СССР. «Деньги не должны быть лишены своего прямого назначения, поэтому нецелесообразно их конфисковывать», – отмечалось в документе. «Государственные банки и другие финансовые учреждения, которые располагают значительными денежными средствами, должны быть немедленно взяты под контроль», – гласила директива нацистского руководства.

Среди таких методов ограбления оккупанты широко использовали выпуск необеспеченных денежных знаков, которые, по замыслу гитлеровских финансистов, «будут более охотно принимать, чем реквизиционные расписки». С этой целью на захваченных советских землях германские власти установили систему параллельного обращения двух валют – советской и оккупационной. Немецкие военные рейхсмарки отличались от обычных платежных средств Германии портретами на купюрах. Однако основным средством обращения оставались советские денежные знаки.

В начале июля 1941 года рейхсминистром экономики был установлен грабительский, существенно завышенный курс оккупационной марки по отношению к советскому рублю – **1:10**, который был почти в пять раз выше довоенного курса имперской марки. Такой курс никак не соответствовал довоенным ценам. Заработная плата фактически замораживалась.

Оккупационные марки выпускало в обращение Главное управление имперских кредитных касс, которые открывались на захваченных территориях. Такая касса существовала и в г. Минске. Билеты имперских кредитных касс купюрами в 0,5; 1; 2; 5; 20 и 50 марок и разменные монеты достоинством 1, 2, 5 и 10 пфеннигов доставлялись из Германии.

Эти денежные знаки использовались захватчиками как покупательное средство, обменивались в местных эмиссионных банках и войсковых кассах по принудительному курсу на советскую валюту. Оккупационные власти сдерживали проникновение марок в сферу обмена, что вызывало дополнительный спрос на нее. В частной торговле утверждалась германская валюта, доверие к советскому рублю было невысоким.

Некоторые особенности денежного обращения были на части Беларуси, включенной в рейхскомиссариат «Украина», – южные районы Брестской, Гомельской, бывших Пинской и Полесской областей. Образованный в г. Ровно в июне 1942 года Центральный немецкий эмиссионный банк начал выпускать собственные билеты – карбованцы. Его курс к рублю составлял 1:1. В ходе этой денежной реформы населению было предписано до 25 июля 1942 года обменять советские деньги в купюрах от 5 руб. и выше на карбованцы. Однако при обмене купюр выше 10 руб. новая валюта не выдавалась на руки, а зачислялась на беспроцентный счет. Это означало практически открытую конфискацию советских денег.

Имперским кредитным кассам, которые входили в систему рейхсбанка, вменялось в обязанность «регулировать денежное обращение в оккупированных странах». Формально обеспечением оккупационной марки служили якобы находившиеся в портфеле кредитных касс чеки, векселя, рейхсмарки, ино-

странная валюта и казначейские обязательства, а также товары и ценные бумаги, под которые были выданы ссуды этими кассами. На деле же оккупационная валюта обеспечивалась только кровавым террором, танками и самолетами рейха.

Наряду с бесконтрольной эмиссией оккупационной марки значительную часть дохода Главного управления имперских кредитных касс составляли поступления от средств, реквизированных у населения, реализации ценного имущества, награбленного оккупантами. Этой цели служило постановление о валютном праве Остланда, куда входил и Генеральный округ Белоруссия, согласно которому население должно было сдать в местную кредитную кассу изделия из золота и других благородных металлов, а также иностранную валюту. Тем, кто нарушал валютное законодательство, грозили тюремное заключение, конфискация или штраф. В результате этих грабительских мероприятий к 31 января 1942 года кредитная касса в г. Минске приняла 7,3 млн. немецких марок наличной валютой и 30 тыс. золотом.

Оборот советских денежных знаков в большей части был сосредоточен в хозяйственных банках, созданных взамен местных контор и отделений Госбанка («виртшафтбанки»). Через них гитлеровцы скупали советскую валюту, поддерживая тем самым высокий курс марки на рынке. Кроме того, в распоряжении захватчиков оказались и значительные денежные фонды, которые не удалось эвакуировать. Немецкая власть использовала банковскую сеть для финансирования расходов армий рейха на оккупированных территориях СССР.

Хозяйственные банки имели текущие счета в имперской кредитной кассе и межбанковские расчеты осуществляли через нее. Они проводили расчетно-кассовые, ссудо-сберегательные, кредитные операции. Организациям, субъектам хозяйствования, отделам районных управлений, волостям, колхозам предписывалось открыть текущие счета. Все денежные операции производились только через банк. С организациями, не имеющими текущего счета в банке, не производилось денежных расчетов. Лица, уклонявшиеся от открытия счетов, привлекались к ответственности по законам военного времени.

Что касается размеров банковского кредита, то устанавливался его предельный уровень –

10 тыс. руб. Для получения больших объемов кредитных ресурсов требовалось разрешение генерального комиссара. Ставка ссудного процента весной 1942 года составляла 4,5%.

Сберегательные счета велись лишь для местного населения. Довоенные вклады аннулировались. Новые оформлялись только в рублях. Вклады, по которым выплачивали 2,5%, были весьма незначительны, как и размеры денежных накоплений.

Крайне низкий жизненный уровень жителей оккупированной Беларуси и **острый дефицит многих потребительских товаров вели к возрождению натурального обмена.** В конце 1941 года в немецкой оперативной сводке из г. Минска сообщалось: «Доверие к ценности денег почти полностью исчезло. Русская валюта в частной торговле вообще не курсирует, немецкая берется неохотно. Основой торговых расчетов служат самогон, табак, мука, причем эти товары берутся не только потребителем, а вообще являются мерой стоимости торговых сделок».

В условиях нехватки многих товаров появляются различные денежные суррогаты вроде «знаков пунктовой стоимости». За сданную немецким заготовителям сельскохозяйственную продукцию крестьянин получал определенное количество условных единиц – «пунктов». За полученные специальные карты их владельцы могли приобрести дефицитные товары. При этом цена сельхозпродукции существенно занижалась, а промтоваров – завышалась. Так действовал еще один механизм тотального грабежа.

Несмотря на энергичные и жесткие меры германской администрации по сдерживанию роста цен, инфляционные явления обозначились уже в первые годы оккупации. Так, при официальной цене на ржаной хлеб в 0,12 марки за 1 кг на черном рынке он продавался за 3,5 марки. Килограмм подсолнечного масла шел за 35 марок, сливочного – за 32. И это при заработной плате в 300–500 руб. (30–50 марок) в месяц.

Таким образом, в период гитлеровской оккупации денежно-кредитная политика представляла собой неконтролируемый выпуск необеспеченных денег, неэквивалентный обмен, что наряду с массовым грабежом поработанных народов обеспечивало нацистскому режиму содержание армии и ведение боевых действий.